

Глава 3. Законы полового притяжения

У всех дифференцированных в половом отношении живых существ есть, выражаясь старыми понятиями, влечение к совокуплению между мужчиной и женщиной, самкой и самцом. Но так как мужчина и женщина представляют из себя типы, нигде не существующие в реально чистом виде, то мы не можем теперь сказать, что половое влечение стремится свести любого мужчину с любой женщиной. Моя теория, чтобы быть полной, должна еще дать ответ относительно фактов полового воздействия. Она должна лучше изобразить область рассматриваемых ею явлений с новыми средствами в руках, а не со старыми, тем более, если последние уступают первым. В самом деле, мое мнение, что М и Ж расчленены в различных комбинациях среди всех живых существ, привело меня к открытию еще неизвестного, только раз упомянутого одним философом естественного закона, закона полового притяжения. Найти его мне помогли наблюдения над человеком, а потому я и начну с него.

Каждый человек обладает определенным одному ему свойственным «вкусом» в отношении к другому полу. Если сравнить, например, портреты женщин, которых любил исторически знаменитый человек (факт этот, конечно, должен быть, вполне достоверным), то мы почти всегда найдем, что они приблизительно похожи друг на друга. Это сказывается внешним образом в фигуре (в узком смысле – в росте), в их лицах и даже, если взглядеться ближе, в самых мельчайших чертах – *ad unguem* (до ногтя). Совершенно то же самое можно сказать о всех людях. Вот почему понятно явление, что каждая девушка, которая сильно привлекает мужчину, вызывает в нем воспоминание о других девушках, действовавших на него подобным же образом. У каждого человека есть много знакомых, вкус которых к другому полу вызывал в нем восклицания: «не понимаю, как она может им нравиться!» Множество фактов, устанавливающих, без сомнения, для всякого отдельного существа (даже у животных) определенный особенный «вкус», собрано Дарвином в его «Происхождении человека». Ниже мы укажем, что такая же аналогия к факту определенной полового вкуса ясно выражена даже у растений.

Половое притяжение, как и закон всемирного тяготения почти без исключения взаимно. Где в этом правиле оказываются исключения, там всегда можно указать моменты, которые препятствуют непосредственному, всегда почти обоюдному проявлению полового вкуса или же вызывают желание, когда первое непосредственное впечатление отсутствует.

И в обыденной речи говорят о «суженом» или что «люди не подходят друг к другу».

Тут сказывается слабое предчувствие того факта, что в каждом человеке заложены известные свойства, для которых не является безусловно безразличным,

какой индивидуум другого пола вступает с ним в половое общение. Так что не каждый «мужчина» может заменить другого «мужчину», не каждая «женщина» – всякую другую «женщину» так чтобы не было никакой разницы в половом чувстве.

Каждый человек знает по собственному опыту, что известные лица другого пола производят на него отталкивающее впечатление, другие для него безразличны, а третьи его привлекают, наконец (правда, не всегда), ему встречается индивидуум, соединиться с которым составляет его страстное желание, так что весь мир теряет в его глазах цену и исчезает. Какой же это индивидуум? Какими свойствами он должен обладать? Если действительно, а это так и есть, каждому типу мужчины соответствует женский тип, действующий на него возбуждающе, и наоборот, то, очевидно, здесь должен действовать определенный закон. Какой это закон? Как он выражается?

«Противоположности сходятся» – такую формулировку я слышал, когда, имея уже свой собственный ответ на вопрос, добивался у разных людей, чтобы они высказали свое мнение, помогая им примерами возвыситься до абстрактного суждения. В известном смысле и для некоторых немногих случаев это вполне справедливо. Но такое определение слишком уж широко. Оно уплывает между пальцами, которые хотят охватить нечто более осязательное. Оно не допускает затем математической формулировки.

Моя книга не пытается открыть все законы полового притяжения (а их несколько), она не претендует на то, чтобы дать каждому определенные сведения о той особи другого пола, которая бы вполне соответствовала его вкусу. Такое требование может осуществить лишь совершенное знание всех относящихся сюда законов. Эта глава будет рассматривать лишь один из них, так как он находится в органической связи с остальными выводами книги. Я напал на след целого ряда дальнейших законов, но этот первый, на который я обратил внимание, и то, что я могу о нем сказать, сравнительно разработано. Пусть снисходительно отнесутся к недостаточной полноте доказательств, оправдываемой новизной и трудностью вопроса.

Факты, на основании которых я открыл первоначально закон полового сродства и большое количество других, его подтверждающих, я приводить здесь не буду: к счастью, это является в известном смысле излишним. Я прошу каждого проверить закон сначала на самом себе, а затем присмотреться к нему в кругу своих знакомых. Особенно я рекомендую обратить внимание на те случаи, когда вашего вкуса не понимают, даже отказывают вам во всяком вкусе, или когда-то же самое случается с вами по отношению к другим. Каждый человек обладает тем минимумом знания внешних форм человеческого тела, который необходим для такой проверки.

Я сам указанным путем открыл закон, который я сейчас и формулирую.

Закон гласит; «Для полового соединения всегда сходятся совершенный мужчина (М) и совершенная женщина (Ж), хотя и расчлененные в каждом отдельном случае на два различных индивидуума в разнообразных сочетаниях».

Иначе выражаясь: если Мм обозначим все мужское, а Жм все женское каково-нибудь индивидуума м, в просторечии называемого «мужчиной», а через Жж – женское, Мж – мужское в известном субъекте ж, в просторечии называемого

«женщиной», то каждое совершенное сродство, т. е. случай самого сильного полового притяжения, выражается в следующей формуле:

$$(1a) M_m + M_j = C1 = M = \text{идеальному мужчине}$$

точно так же:

$$(1b) J_m + J_j = C2 = J = \text{идеальной женщине.}$$

Не следует превратно понимать этой формулировки. Это один случай, одно единственное половое отношение, для которого обе формулы одинаково важны. Из них вторая непосредственно вытекает из первой и не вносит в нее ничего нового, ведь мы предполагаем, что у каждого индивидуума столько женского элемента, сколько не достаёт в нем мужского. Цельное мужское нуждается в цельном женском и наоборот. А если индивидуум имеет определенную большую часть мужественности и, хотя бы малую (которой однако не следует пренебрегать) долю женственности, тогда нужно, чтобы другой индивидуум дополнил недостающую для всего целого долю мужественности. Также пополняется в одно время и его женская часть.

Какой-нибудь индивидуум имеет например:

$$3/4 M. \text{ и } \{ \text{стало быть } 1/4 J.$$

Тогда лучшим его половым дополнением, на основании этого закона, будет такой индивидуум ж, который определяется в половом отношении следующим образом:

$$1/4 M. \text{ ж } \{ \text{ и стало быть } 3/4 J.$$

Уже в этих формулах обнаруживается ценность большей всеобщности теории по сравнению с обычными взглядами. Что мужчина и женщина, как половые типы, привлекают друг друга.

Всякий согласится с фактом определенного полового вкуса, но этим уже не признается правомерность вопроса о законах вкуса, о функциональной связи между половым предпочтением и другими физическими и психическими свойствами отдельного существа. Приведенный здесь закон не имеет сам по себе ничего невероятного: ему нисколько не противоречит ни повседневный, ни научный опыт. Конечно, он не может быть чем-то «само собой понятным». Закон, так как он не выведен из опыта, а создан путем умозаключений, можно бы было представить следующим образом:

$$M_m - M_j = \text{Const}$$

Т. е. разность, а не сумма содержания М, представляет постоянную величину. Самый мужественный мужчина отстоял бы тогда настолько же далеко от своего дополнения, расположенного как раз посередине между М и Ж, как и женственный мужчина от своего дополнения, которое в этом случае является крайней женственностью. Как мы сказали, это только мыслимо, но не осуществимо в действительности. Если мы последуем научному завету скромности, в сознании, что пред нами эмпирический закон, то мы не будем говорить заранее о силе, которая толкает двух индивидуумов, как двух игрушечных плясунов, друг к другу, а увидим в этом законе лишь выражение отношений, наблюдаемых в одинаковой форме в

каждом сильном половом притяжении. Он может показать в данном случае постоянно одинаковую сумму мужественности или женственности в обоих притягивающих друг друга существах.

Не следует при этом обращать внимания на «этический» момент – момент красоты. Как часто случается, что один человек совершенно восхищен какой-нибудь женщиной, без ума от ее «необыкновенной», «обольстительной» красоты, а другой в то же время «очень бы хотел знать, что можно в ней найти», так как она не представляет его полового дополнения. Не становясь здесь на точку зрения нормативной эстетики и не собирая примеров относительности такой оценки, можно однако сказать,, что влюбленные находят иногда прекрасным не только безразличное с эстетической точки зрения, а прямо некрасивое, причем под «чисто-эстетическим» понимается не абсолютно прекрасное, а просто прекрасное, т. е. то, что нам эстетически нравится, помимо всех половых апперцепций.

Сам закон подтверждается многими сотнями фактов (называю самое малое число), и все исключения из него являются кажущимися. Почти каждая любовная парочка, которую встречаешь на улице, дает этому новое доказательство. Исключения были бы тем более поучительны, что они усиливали бы следы других законов и побуждали бы к их исследованию. Впрочем, я сам произвел много опытов следующим образом: у меня была коллекция фотографий безусловно чисто красивых эстетически женщин, с определенным содержанием в каждой Ж, и вот я проводил анкетирование, показывая карточки ряду знакомых и прося их указать «самую красивую», как я говорил. Ответ, полученный мною, был с неизменной правильностью тот самый, которого я ожидал. Других, которые знали, зачем я это делаю, я просил испытывать меня таким образом: они показывали мне портреты и я должен был найти ту женщину, которая нравилась им больше всего. Это удавалось мне всегда. Третьим я описывал их идеал другого пола с близкой к действительности точностью, хотя не получал от них раньше даже произвольных указаний, часто описывал точнее, чем они сами могли это сделать. Иногда люди впервые обращали внимание на то, что им не нравится, лишь после того, как я им это указывал, а в общем, человек скорее узнает то, что ему не нравится, чем то, что привлекает.

Я думаю, что читатель при некотором упражнении скоро достигнет такого же совершенства. Этого очень скоро достигли некоторые мои знакомые из тесного дружеского научного кружка, которые заинтересовались представленными здесь идеями. Конечно, для этого желательно бы было знать еще и другие законы полового притяжения. Масса отдельных постоянных величин указывает на существующее отношение половых дополнений. Можно бы было иронически формулировать тот закон природы, что сумма длины волос двух влюбленных равна постоянной величине. Впрочем, уже из найденных во второй главе оснований это попадает не всегда, так как не все органы одного и того же человеческого существа одинаково мужественны или женственны. Кроме того, эти правила скоро бы размножились и затем скоро снизились бы до степени плоских острот, почему я и хочу воздержаться здесь от их упоминания.

Я не скрываю от себя, что способ, которым я вывел здесь этот закон, несколько догматичен, и это особенно плохо для него при отсутствии точных обоснований. Но и здесь меня в меньшей степени интересует выступление с готовыми результатами, чем указание способа их достижения, тем более, что средства, которые были у меня для точного испытания указанного принципа по естественнонаучному методу,

оказались крайне ограниченными. Итак, если в частностях остается много неопределенного, то в дальнейшем я все-таки надеюсь, указав на удивительные аналогии, до сих пор еще не наблюдаемые, скрепить между собой балки научного здания: без этого «обратно действующего укрепления» не могут, по всей вероятности, обойтись даже принципы аналитической механики.

Бросающееся в глаза подтверждение получает выведенный закон, благодаря фактам из царства растений, которые до сего времени рассматривались совершенно изолированно, которым поэтому приписывался характер особенной редкости.

Каждый ботаник догадается, что я говорю об открытых Персоном, впервые описанных Дарвином и названных Гильдебрандом явлениях разнопестичности и гетеростилии. Оно состоит в следующем: многие виды двудольных (и некоторых однодольных) растений, например, *primulaceae*, *geraniaceae*, а в особенности многие *rubiaceae*, растения, у которых в цветах функционируют, как цветочная пыль, так и рыльце, но лишь для продуктов других цветов. Они являются, следовательно, андрогинами (гермафродитами) в морфологическом смысле, но однополыми в физиологическом – все они обладают той особенностью, что их рыльце и пыльники на разных индивидуумах развиваются до различной высоты. Один экземпляр образует исключительно цветы с длинным пестиком, высокостоящим рыльцем и низкими пыльниками. Это, по моему мнению – женский экземпляр. Другой, напротив, производит лишь цветы с глубокозасевшим рыльцем и высокими пыльниками (благодаря длинным тычиночным нитям), это – мужской экземпляр. Рядом с этими «диморфными» видами существуют еще «триморфные», например: *Lithrum salicaria* с тройными различными по длине половыми органами, кроме формы цветов с длинными и короткими пестиками встречаются здесь еще «лизостильные» цветы, т.е. с средними пестиками и, хотя в учебниках помещают обыкновенно только диморфную и триморфную гетеростилию, однако этим не исчерпывается все многообразие. Дарвин замечает, что «если принять во внимание малейшие различия, то следует отличать пять разных положений мужских органов». И здесь, стало быть, несомненно существующая непрерывность, деление различных ступеней мужественности и женственности на отдельные этажи не составляет общего правила, но и в этих случаях мы имеем кое-где постепенные переходы половых промежуточных форм. С другой стороны есть поразительные аналогии явлений этой слабо исследованной области в животном царстве, где эти явления так же раздроблялись и считались особенно удивительными вследствие того, что забывали о гетеростилии. У многих родов насекомых, именно у *forficulidae* (уховертки) и *lamellicorniae* (у *Lucanus cervus*, у оленя-рогача, у *Dynastes hercules* и *Xylotrupes gideon*) встречаются с одной стороны самцы, у которых их вторичный половой признак, ясно отличающий их от самок, рожки развиты до значительной длины, а у другой главной группы самцов рожки развиты относительно, мало. Бэтсон, от которого исходит подробное описание этих явлений, различает поэтому «high males» и «low males», правда, эти два типа связаны друг с другом непрерывными переходами, но промежуточные ступени у них редки, и большинство экземпляров приближается к той или иной половой границе. К сожалению, Бэтсон не занимался вопросом о половых отношениях обеих групп к самкам, так как он приводит эти случаи, как примеры вариаций с отсутствием непрерывности. Поэтому остается неизвестным, есть ли так же среди самок две группы подобного рода, которые обладают различным половым сродством с разными формами самцов. Поэтому указанные наблюдения применимы только, как морфологические параллели к ге-

теростилии, а не как физиологические доводы для закона полового притяжения, для подтверждения которого гетеростилии являются действительно весьма ценными.

Ведь, может быть, гетеростильные растения являются полным подтверждением мнения об общей ценности приведенной формулы для всех живых существ. Дарвин указал, а после этого многие исследователи констатировали подобным же образом, что у гетеростильных растений оплодотворение тогда лишь имеет надежду на успех, а иногда и вообще возможно, когда только оплодотворяющая пыльца макростильного цветка, т. е. цветка с низкими пыльниками, перенесена на микростильное рыльце другой особи, которая может иметь при этом длинные тычиночные нити, или когда пыльца из высоких пыльников микростильного цветка попадает на микростильное рыльце (с короткими тычиночными нитями) другого растения. Итак, чем длиннее на цветке пестик, т. е. чем лучше развит в нем женский орган, тем длиннее должен быть мужской орган, тычинка, в другом цветке, с которым оплодотворение должно иметь успех, и тем короче пестик, длина которого выражает степень женственности. Где есть тройные размеры пестика, там оплодотворение, по тому же правилу, может произойти лучше всего тогда, когда цветочная пыльца переносится на рыльце, которое по высоте соответствует пыльнику другого цветка. Если не придерживаться этого правила, а производить искусственное оплодотворение с несоответствующей пылью, то получаются (когда подобная процедура вообще принесет какие-нибудь результаты) почти всегда только больные, жалкие, карликовые и чрезвычайно неплодородные отпрыски, подобные гибридам различных видов.

У авторов, писавших о гетеростилии, всюду заметно, что они не удовлетворяются обычным объяснением этих разнообразных отношений при оплодотворении. Это объяснение говорит, что насекомые, посещающие растения, касаются одинаково высоко стоящих половых органов одними и теми же частями тела, и тем вызывают этот удивительный эффект. Однако сам Дарвин сознался, что пчелы носят на себе все виды пыльцы на каждой части тела. Таким образом, способ действия женских органов при оплодотворении пыльцами двух или трех родов остается, как и раньше, не выясненным. Как ни привлекательны, как ни волшебны подобные объяснения, все-таки они немного поверхностны, ведь если ими можно все объяснить, то почему искусственное опыление несоответствующей пылью, так называемое «незаконное оплодотворение», приводит к таким плохим результатам? Значит, лишь исключительное соприкосновение с «законной» пылью должно бы было создать у рыльца привычку к восприятию только этой пыльцы, но я могу привести самого Дарвина в свидетели, указывающего, что несоприкосновение с другого рода пылью – совершенная иллюзия, так как насекомые, служащие при этом как бы брачными посредниками, в действительности способствуют безразличному скрещиванию.

Поэтому кажется гораздо более вероятной гипотеза, что основание этого особенного избирательного свойства глубже и заложено в самих цветках. Здесь, может быть, дело обстоит так же, как и у человека, т. е. что половое притяжение сильнее всего в тех случаях, когда у одного индивидуума столько же М, сколько у другого Ж, что опять-таки является лишь другим выражением предыдущей формулы. Возможность такого объяснения особенно увеличивается еще тем, что в мужских, короткопестичных цветках с высокостоящими тычинками цветочная пыльца всегда крупнее, а сосочки рыльца меньше, чем в гомологических частях длинопестичного, более женственного цветка.

Из этого видно, что здесь едва ли идет дело о чем-нибудь другом, как о различных степенях мужественности и женственности. Этой гипотезой блестяще подтверждается выставленный здесь закон полового сродства, так как именно в животном и растительном царствах, (к этому мы еще вернемся позднее), оплодотворение успешнее всего там, где родители находятся в большом половом родстве друг с другом.

Большая вероятность огромного значения этого закона и в животном царстве будет указана при исследовании «обратного полового влечения». Здесь я хочу обратить лишь внимание пока на то, насколько интересны были бы исследования, не оказывают ли более сильного привлекающего действия большие, мало подвижные яйцевые клетки на более живые и тонкие сперматозоиды, в то время как мелкие, богатые желтком и не столь косные яйца привлекают более медлительных и объемистых зоосперм. Быть может, здесь в самом деле сказывается, как предполагает Л. Вейль в небольшом исследовании об определяющих пол факторах, соотношение между величинами движения или кинетической энергии двух конъюгирующих клеток. До сих пор ни разу не было установлено, правда, установить это очень трудно, оказывают ли друг на друга обе слившиеся клетки при вычете того влияния, которое оказывает трение и течение в жидкой среде, ускоряющее движение, или же двигаются с прежней скоростью. Тут нужно бы было поставить и еще некоторые другие вопросы.

Как уже раньше было указано, приведенный закон полового притяжения у людей (и, вероятно, так же у животных) не единичен. Если бы это было так, то казалось бы тогда совершенно непонятным, почему же не могли его до сих пор открыть. Именно потому, что здесь играют роль многие другие факторы, и что число законов должно быть значительно пополнено. Вот почему так редки случаи неудержимого полового притяжения. Я не буду здесь говорить об этих законах, так как относящиеся сюда исследования еще не закончены, а просто укажу ради иллюстрации на один дальнейший фактор, не легко поддающийся математической обработке.

Явления, на которые я укажу, в отдельности достаточно известны. В молодости, не старше 20 лет, мужчину привлекают обыкновенно женщины значительно старше его, не моложе 35 лет. По мере возмужания он начинает любить более молодых. Точно так же (взаимность!) молодые девушки-подростки предпочитают зрелых мужчин юношам, чтобы позднее нередко изменять мужьям с мальчишками. Все эти явления должны корениться глубже, чем они выглядят в той анекдотической форме, которую им придают.

Хотя настоящая работа должна по необходимости ограничиться одним законом, однако в интересах истины попытаемся дать ей лучшую математическую формулировку, не допускающую никаких ложных упрощений. Не приводя даже всех играющих здесь роль факторов и находящихся под сомнением законов, как самостоятельных величин, мы достигнем большей точности применением фактора пропорциональности.

Первая формула была лишь «экономическим» выяснением всех однородных случаев полового притяжения идеальной силы, поскольку половое отношение вообще может быть этим законом определено. Теперь мы хотим дать выражение для силы полового сродства в каждом воображаемом случае, выражение, которое,

впрочем, благодаря своей неопределенной форме могло бы передать в то же время самое общее описание отношений двух существ, даже разных видов одного и того же пола.

Сила их взаимного притяжения выражается так:

$$K A = - x f(t). \dots \dots (II)$$

где $f(t)$ обозначает какую-нибудь эмпирическую или аналитическую функцию времени, во время которой индивидуумы могут действовать друг на друга, «время реакции», как мы его назовем. K – есть тот фактор пропорциональности, в который мы вкладываем все известные и неизвестные законы полового сродства, который кроме того зависит от степени видового, расового и фамильного родства, а также от здоровья и отсутствия повреждений у обоих индивидуумов, который, наконец, становится меньше при большем удалении их друг от друга и, стало быть, устанавливается особо для каждого данного случая.

В новелле Линкеиса «В почтовой карете» половое притяжение, как стихийная могучая сила, изображено с наводящим ужас мастерством. Половое притяжение точно так же обусловлено законами природы, как рост корня к центру земли или движение бактерий к кислороду на краях штيفтика в микроскопе. Правда, к такому взгляду нужно еще привыкнуть. Впрочем, я сейчас вернусь к этому пункту.

Если $a - b$ достигает своего максимального значения

$$\lim (a - b) = \text{Max} = 1,$$

то $\lim A = k f(t)$. Здесь выражены, стало быть, как в некотором определенном случае, все симпатии и антипатии отношений между людьми вообще (они не имеют, однако, никакого дела до социальных отношений в узком смысле, как конститутивными для общественного правопорядка), поскольку они не обоснованы на нашем законе полового сродства. В то время как k в общем вырастает пропорционально силе родственных отношений, величина A , например, между единомышленниками гораздо больше, чем между чуждыми национальностями. Как $f(t)$ удерживает здесь свое значение, можно это наблюдать на отношениях двух живущих вместе домашних животных разных видов: первое движение часто непримиримая вражда, часто взаимная боязнь (A получает здесь отрицательный знак), позднее на их место выступают самые дружеские отношения, так что они ищут друг друга.

Так как в уголовных законах параграф о содомии должен опираться на какие-нибудь реальные факты, так как половые акты наблюдались даже между человеком и курицей, то из этого видно, что k в широких границах остается больше нуля. Мы не можем таким образом ограничить двух исследуемых индивидуумов не только одним и тем же видом, но даже одинаковым классом.

Что всякая встреча мужского и женского организмов не есть дело случая, а подлежит власти определенных законов – совершенно новый взгляд, и то чуждое в нем, на что уже раньше указывалось, принуждает к исследованию глубокого вопроса о полной тайне природе полового притяжения. Известные опыты Вильгельма Пфеффера показали, что сперматозоиды различных тайнобрачных растений привлекаются не только женскими архегониями *in natura*, но также и веществами,

которые при естественных условиях либо действительно выделяются последними, либо изготавливаются искусственно, часто даже такими веществами, с которыми семенные нити могут вступать только в экспериментальных условиях, так как в природе их вовсе не существует, а только при возможности научных опытов.

Так, сперматозоиды папоротников привлекаются извлеченной из архегоний яблочной кислотой, а также и синтетически составленной яблочной кислотой и даже мелеиновой кислотой. Сперматозоиды листовых мхов – тростниковым сахаром. На сперматозоид, как, это нам не известно, влияют различия в концентрации раствора. Он движется по направлению к более сильной концентрации. Пфедфер назвал эти движения «хемотактическими» и для всех этих явлений, как и для других случаев бесполовых движений, создал понятие «хемотропизма». Многие говорят за то, что притяжение, которое оказывает самка у животных на самца, заметившего ее издали при помощи органов чувств, нужно рассматривать в известных пунктах, как аналогичное хемотропизму.

Весьма вероятно, что этот хемотропизм есть причина тех энергичных и упорных движений, которые производят семенные нити млекопитающихся, попав в тело самки, Движения эти направлены изнутри против шейки матки к мерцающим ресничкам слизистой оболочки. Целыми днями они продолжают двигаться без всякой внешней поддержки. С невероятной, почти загадочной правильностью сперматозоид находит вопреки всем механическим и иным препятствиям яйцевую клетку. Это очень напоминает невероятные странствования некоторых рыб. Например, семга многие месяцы бродит, не принимая пищи, от моря до истоков Рейна, где и находит безопасное, богатое пищей место для метания икры.

Вспомним с другой стороны превосходное описание Фалькенберга, излагающее процесс оплодотворения у некоторых высших водорослей Средиземного моря. Мы говорим, например, о линиях силы, соединяющей два противоположных магнитных полюса. Такую же силу природы наблюдаем мы и в неудержимом влечении сперматозоида к яйцу. Вся разница в том, что движения мертвой материи могут изменяться от состояния напряженности окружающей среды, тогда как силы живой материи локализованы в самих органах, как истинных центрах силы. По наблюдениям Фалькенберга сперматозоиды во время движения к яйцу преодолевают даже силу, обычно влекущую их к свету. Стало быть, хемотактическое воздействие, т. е. половое влечение оказывается сильнее фототактического.

Когда вступают в связь два мало соответствующих нашей формуле индивидуума, а затем позднее появляется третий, дополняющий одного из них, то сейчас же с закономерной необходимостью возникает стремление покинуть прежнюю вынужденную связь. В заключение нарушение брака. Оно является стихийным, необходимым так же, как при химических соединениях: в $FeSO_4$, при соединении с $2KOH$ ионы SO_4 покидают ионы Fe и переходят к ионам K . Если бы кто-нибудь захотел оценить эти природные явления с моральной точки зрения, то тот показался бы очень смешным.

Это – основная идея «Wahlverwandschaften» Гете, развитая в IV главе 1-й части, как игривая прелюдия, полна неожиданного смысла, развитая теми, кому предстоит испытать на самих себе ее глубокую детальную справедливость. Мое исследование может гордиться тем, что оно вновь рассматривает эту идею. Однако, я не имею в виду защищать (также, как и Гете) нарушение брака, а просто сделать его более

понятным. У человека есть, правда, мотивы, заставляющие успешно бороться со стремлением нарушить брачные узы. Но об этом речь будет идти во второй части книги. Половая сфера человека не так строго связана с законами природы, как у остальных организмов. Это видно из того, что человек сексуален во все времена года, и пережитки особого весеннего полового возбуждения в нем гораздо меньше, чем даже у домашних животных.

Закон полового сродства представляет еще много аналогий с одним известным законом теоретической химии, правда, при наличии больших отклонений. Он аналогичен явлениям, связанным с «законом влияния масс». Например, более сильные кислоты предпочтительно соединяются с более сильными «основами», как более мужественный индивидуум с более женственным. Здесь возникает, впрочем, нечто гораздо большее, чем Novum по сравнению с мертвым химизмом. Живой организм не есть гомогенная, изотропная, делимая на бесконечное много одинаковых частей субстанция: "principium individuationis" (принцип индивидуализма), т. е. факт, что все живое живет как индивидуум, указывает на необходимость определенного строения организма. Здесь не может большая часть вступать в одно соединение, а меньшая в другое, образуя побочный продукт. Хемотропизм далее может быть и отрицательным. Начиная с известной величины разности $a - b$, мы получаем отрицательное, обратное влечение, иначе говоря, половое отталкивание.

Правда, и в мертвом химизме такая же реакция может последовать с различной быстротой. Но никогда, по крайней мере, судя по новейшим взглядам, нельзя вызвать при помощи катализа в долгий или короткий промежуток времени одну и ту же реакцию вместо ее полного отсутствия (в нашем случае, так сказать, противоположную реакцию). Напротив, известное соединение, образующееся при определенной температуре, может разлагаться с ее повышением, и наоборот. И если управление реакции является функцией температуры, то у живых организмов оно часто – функция времени.

В значении фактора t , т. е. «времени реакции», и заключается последняя аналогия между половым притяжением и химизмом, если вообще возможны такие сравнения. И здесь можно представить формулу скоростей реакции, различные степени той быстроты, с которой развивается половая реакция между двумя индивидуумами, и попробовать дифференцирование A по t . Никто, однако, не должен унижать «великолепие математики» (Кант) бесполезным хвостовством: вводить дифференцирование в столь сложные и запутанные отношения, где постоянство функций – вопрос спорный. Итак, вполне ясно, что я хочу сказать: чувственное влечение двух организмов, долго находящихся вместе или, лучше выражаясь, вместе запертых, может развиваться даже там, где сначала было отвращение, – подобно химическому процессу, который требует много времени, пока наличность его станет заметной. На этом основании покоится отчасти то утешение, которое дается людям, вступающим в брак без любви: «стерпится – слюбится»!

Ясно, что нельзя придавать большой ценности аналогиям полового сродства с мертвым химизмом. Подобные наблюдения, однако, кажется мне, многое выясняют. Остается еще нерешенным вопрос, следует ли причислить половое притяжение к разряду тропизмов. Если бы даже это было прочно установлено для полового чувства, то по отношению к эротике решение было бы искусственным. Явление любви нуждается еще в другом толковании, которое и будет дано ему во второй части. Тем не менее существует несомненная аналогия между формами страстного

влечения людей и хемотропизмом. Я опять сошлюсь на описание отношений между Эдуардом и Оттилией в гетевских «Wahlverwandschaften».

С названием этого романа уже было связано несколько замечаний о проблеме брака. Некоторые необходимые практические выводы из теоретической части этой главы связаны также с указанной проблемой. Приведенный закон полового притяжения, а ему подобны, по-видимому, и некоторые другие, учит, что в виду существования бесчисленного количества половых промежуточных форм, могут быть две такие особи которые лучше всего подходят друг к другу. С этой биологической точки зрения следует оправдать брак и отвергнуть «свободную любовь». Правда, вопрос о моногамии осложняется опять еще другими отношениями, какова например, периодичность (о ней будет упомянуто ниже), а также уже указанным исследованием вкуса по мере возмужалости. Таким образом простота решения этого вопроса, опять уменьшается.

Но получится другой вывод, если вспомнить о гетеростилии, в особенности о том факте, что из «незаконного оплодотворения» рождаются почти исключительно мало способные к развитию зародыши. Это заставляет предполагать, что у других существ самое крепкое и здоровое потомство рождается от тех связей, где наблюдается самое сильное обоюдное половое влечение. Народ издавна отметил «детей любви», он думает, что из них выходят более красивые и лучшие люди. В виду этого даже тот, кто не считает себя призванным быть рассадником человечества, не может сочувствовать, хотя бы из гигиенических соображений, чисто денежному браку, значительно отличающемуся от брака по рассудку.

Изучение законов полового влечения могло бы оказать заметное влияние на разведение домашних животных. Следовало бы вторичным половым признакам и степени их развития у обоих случаев животных уделять больше внимания, чем это делали до сих пор. Искусственные образцы действия, применяемые для того, чтобы случить самку с самцом, когда она ему не нравится, достигают конечно своей цели, но они в общем всегда сопровождаются дурными последствиями. Невероятная нервность, полученных от подставных кобыл, жеребцов, которых, подобно современному юноше, приходится кормить бромом и другими медикаментами, в последнем счете, наверное, противоречит этому закону. Подобно тому, как в физической дегенерации современного еврейства не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что у евреев гораздо чаще, чем где-либо на свете, браки заключаются не по любви, а через посредников.

Дарвин в своих фундаментальных работах установил путем обширных опытов и наблюдений, а это теперь уже признано всеми, что, как родственные индивидуумы, так и слишком несходные между собой по своим видовым признакам, менее привлекают друг друга, чем индивидуумы «незначительно различные», и что если дело все-таки коснется оплодотворения, то семя или умирает в первых же стадиях развития, или же развивается в слабый, в большинстве случаев не способный к размножению индивидуум. Как и у гетеростильных растений «законное оплодотворение» приносит семена многочисленнее и лучше, чем всякие иные комбинации.

Итак, лучше всего развиваются те зародыши, родители которых оказали большее половое сродство. Из этого общеприменимого правила вытекает справедливость сделанного вывода: когда вступают в брак и рожают детей, то

последние не должны быть, по крайней мере, плодом преодоленного полового отвращения, ибо оно не может не отразиться на духовной и физической организации ребенка. Конечно, большую часть бесплодных браков составляют браки без любви. Старый опыт относится также к этой области. Он говорит, что надежды на потомство повышаются, когда возбуждение при половом акте велико. Это особенно становится понятным, если вспомнить, что у двух дополняющих друг друга индивидуумов половое влечение с самого начала более интенсивно.

1 2 3 [4] 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21

<http://www.follow.ru/article/211/4>